

УДК 616.12-002.-098.

Т.В. Талаева, В.В. Шишкин, Л.Л. Вавилова***РОЛЬ ВОСПАЛЕНИЯ И ОКСИДАТИВНОГО СТРЕССА
В КАРДИОВАСКУЛЯРНОЙ ПАТОЛОГИИ**ДУ «ННЦ «Институт кардиологии им. Н.Д.Стражеско» НАМН Украины, г. Киев,
*Одесский национальный медицинский университет

Резюме. Статья посвящена проблеме значимости и механизмов участия воспаления и оксидативного стресса в развитии кардиоваскулярной патологии, прежде всего – в повреждении и ремоделировании сердца и сосудистой стенки, развитии артериальной гипертензии. Прослежена взаимосвязь между ренин-ангиотензиновой, симпато-адреналовой и иммунной

системами в развитии оксидативного стресса, как компонента врожденного и приобретенного иммунно-воспалительного ответа.

Ключевые слова: воспаление, оксидативный стресс, ремоделирование, гипертензия, ренин-ангиотензиновая система, иммунный статус.

Введение. В настоящее время мы приблизились к новому уровню понимания взаимосвязи между развитием кардиоваскулярной патологии, воспалением и оксидативным стрессом, как проявлениями врожденного и адаптивного иммунного ответа. Принципиальная новизна этого понимания заключается в установлении закономерной неразрывной связи артериальной гипертензии (АГ), ишемической болезни сердца (ИБС), сердечной недостаточности (СН), ремоделирования сердца и сосудистой стенки с активацией воспаления и свободнорадикальных процессов. Однако в этой проблеме остается пока много белых пятен и спорных вопросов.

Воспалительный и оксидативный процессы являются компонентом любой патологии, включая кардиоваскулярную, так как они возникают при повреждении тканей и являются факторами, как разрушения, так и защиты и заживления. Спорность заключается в том, могут ли воспаление и оксидативный стресс играть первичную роль и лежать в основе развития кардиоваскулярной патологии или они только сопровождают ее течение и усугубляют исходы. Во многом остается также неясным, что определяет возникновение воспаления и оксидативного стресса, как они реализуются, и какие воздействия могут определить их предупреждение или устранение.

Оксидативный стресс – следствие нарушения баланса между продукцией свободных радикалов и выраженностью антиоксидатной защиты. Он проявляется возрастанием содержания промежуточных и конечных продуктов окисления липидов, липопротеинов и белков как внутри-, так и внеклеточно, в тканях и в крови. Радикалы кислорода выполняют физиологическую функцию в ряде регуляторных систем, участвуют в развитии иммунного ответа на действие различных патогенов. Однако в высокой концентрации они приводят к развитию оксидативного стресса с выраженными патологическими эффектами, которые проявляются, в зависимости от интенсивности стресса, повреждением клеток, развитием их апоптоза или некроза.

Общей чертой практически всех видов кардиоваскулярной патологии: атеросклероза и ИБС, АГ, СН, кардиомиопатии является ремоделирование сердца и сосудистой стенки. В его основе лежат как гипертрофия (увеличение объема) и гиперплазия (увеличение количества) клеточных элементов, так и их гибель, усиленная продукция миофибробластами межклеточного соединительнотканного матрикса или его разрушение при активации матриксных металлопротеиназ. Хотя эти процессы развиваются одновременно, при преобладании пластических реакций происходит гипертрофия и фиброз миокарда, утолщение и склерозирование сосудистой стенки с повышением их жесткости; преобладание деструктивных явлений проявляется кардиомиопатией, аневризмой сердца и сосудов. Характерно, что все эти изменения являются следствием оксидативного стресса, а разнонаправленный их характер определяется выраженностью стресса.

Оксидативный стресс может иметь первичный характер и являться следствием активации систем, продуцирующих свободные радикалы. Он может развиваться также вторично как компонент воспалительной реакции, ее эффекторный механизм. Однако в любом случае оксидативный стресс неразрывно связан с воспалением, так как радикалы кислорода являются не только продуктом активности клеток иммунной системы, но и их активатором с усилением секреции провоспалительных цитокинов, хемокинов и молекул адгезии. С другой стороны, цитокины являются стимуляторами иммунных клеток и продукции ими кислородных радикалов.

В значительном числе исследований, проведенных с начала 90-х годов, показано, что воспаление и оксидативный стресс участвуют в развитии почечной и кардиальной патологии, прежде всего – АГ и СН, повреждении эндотелия и атеросклероза, тогда как применение в этих условиях противовоспалительных препаратов, прежде всего – аспирина и антиоксидантов типа темпола – миметика СОД или N-ацилцистеина оказывает защитное действие [9, 41].

В настоящее время положение о значимости воспаления и оксидативного стресса как факторов повреждения и ремоделирования сердца и стенки сосудов представляется бесспорным. Показано, что активные формы кислорода стимулируют митоген-активирующие протеинкиназы (МАРК) с развитием гипертрофии миокарда, утолщения и склерозирования сосудистой стенки в результате гипертрофии кардиомиоцитов, пролиферации гладкомышечных клеток (ГМК) и фибробластов, накопления внеклеточного матрикса; перекись водорода выступает в качестве медиатора клеточного апоптоза.

В то же время, радикалы кислорода способствуют разрушению соединительнотканного каркаса сердца и сосудистой стенки посредством активации матриксных металлопротеиназ (ММПs), которые высвобождаются в неактивной форме и приобретают активность под действием радикалов кислорода; они также усиливают экспрессию ядерных факторов транскрипции – κB , AP-1 и вызывают развитие воспалительного ответа. Наконец, радикалы кислорода прямо угнетают сократительную функцию миокарда, оказывая влияние на белки, определяющие сопряжение возбуждения с сокращением.

В то же время, радикалы кислорода оказывают дифференцированное влияние на различные клетки, и развитие оксидативного стресса в миокарде при перегрузке сердца давлением обуславливает пролиферацию фибробластов, усиленную продукцию внеклеточного матрикса и развитие кардиофиброза. Однако эти изменения не сопровождаются гипертрофией кардиомиоцитов [19, 30].

Хотя основное внимание уделяется определению роли продукции активных форм кислорода как механизма патологических реакций, в нормальных условиях они участвуют также в регуляции функции сердца и сосудов. Показано, что системное введение антиоксиданта темпола у нормальных животных оказывает симпатингибиторное действие, приводит к развитию выраженной гипотензии и брадикардии [39].

В соответствии с современными представлениями, основной причиной развития оксидативного стресса является активация ренин-ангиотензиновой системы (РАС), как эндокринной, циркулирующей, так и тканевых. Установлено, что ангиотензин II (А II) – основной эффекторный фактор РАС, активирует внутриклеточный мембраносвязанный фермент NAD(P)H оксидазу с образованием радикалов кислорода, которые играют ключевую роль в гипертрофии и ремоделировании сердца и сосудов. Поэтому генетическая недостаточность NAD(P)H оксидазы у мышей устраняет развитие гипертрофии сердца при длительном применении субпрессорных доз А II [29].

Связь ремоделирования с оксидативным стрессом описана у крыс со спонтанной гипертензией, при гипертензии, вызванной применением ингибиторов эндотелиальной синтазы оксида

азота (eNOS), дезоксикостерон ацетата (DOCA) в сочетании с хлористым натрием или введением А II, а также гипертензии, возникающей на фоне ожирения.

Показано, что даже при наличии гипертензии ремоделирование сердца и сосудов в значительно большей степени детерминируется оксидативным стрессом, чем возрастанием артериального давления (АД). Так, гипертензия у мышей, вызванная инфузией А II в течение 14 дней, ослаблялась как апоцинином – ингибитором NAD(P)H оксидазы, так и гидралазином – антигипертензивным препаратом с мочегонным действием. Однако гипертрофия сердца и увеличение толщины стенки мезентериальных артерий, содержания в ней коллагена и ослабление эндотелийзависимого расслабления устранялись только апоцинином параллельно с угнетением оксидативного стресса, но не гидралазином, который не оказывал антиоксидантного действия. Однако даже в условиях полного угнетения NAD(P)H оксидазы гипертензивный эффект инфузии А II ослаблялся только частично, что свидетельствовало о неполной его зависимости от оксидативного стресса [36].

В настоящее время является общепризнанным, что в основе митогенной и ремоделирующей активности А II, как и повышенной плазменной и тканевой концентрации натрия, лежит способность инициировать развитие оксидативного стресса, независимо от влияния на уровень АД. Так, у крыс с инфузией А II в течение 10 дней развивалась гипертензия, продукция СОР в миокарде увеличилась на 50 %, продукция перекиси водорода (H_2O_2) – на 60-70 % в сочетании с выраженным поражением сердца и почек. Сопутствующее применение низкосолевого питания не оказывало выраженного антигипертензивного действия, но полностью нормализовало продукцию СОР и перекиси водорода, уменьшило выраженность альбуминурии и гипертрофии сердца. Эти данные позволили сделать заключение, что кардио- и ангиопротекторное действие низкосолевого питания на фоне повышенного уровня А II в крови опосредовано антиоксидантным эффектом в отсутствие существенного влияния на уровень АД.

Ремоделирование сосудистой стенки в результате развития локального воспаления и оксидативного стресса является также основой развития атеросклероза. Гликопротеины межклеточного матрикса, накапливающиеся субэндотелии в результате усиленной секреции активированными фибробластами и ГМК, обладают высоким сродством с липопротеинами плазмы, особенно модифицированными. Поэтому при сочетании локального сосудистого оксидативного стресса с генерализованным происходит начальное окисление липопротеинов низкой плотности в плазме с возникновением их минимально модифицированных форм. Эти липопротеины оказывают повреждающее действие на эндотелий, нарушают его противовоспалительную и барьерную функцию, приобретают возможность миграции в сосудис-

тую стенку и фиксируются белками матрикса. Здесь они накапливаются, подвергаются окончательной оксидативной модификации, приобретают иммуногенность и способствуют прогрессированию локального воспаления, которое является основой для развития атеросклеротической бляшки.

Роль иммунной системы в кардиоваскулярных эффектах РАС

Установлено, что одним из важнейших патогенетических механизмов развития гипертензии является активация иммунного ответа, интенсивная миграция Т-лимфоцитов в почки, миокард и сосудистую стенку. Это обуславливает развитие в них локального воспаления, повреждения и патологических процессов, приводящих к ремоделированию. В основе этих явлений лежит активация РАС и способность А II вызывать развитие иммунного воспалительного ответа, как врожденного, так и приобретенного [5, 17, 46]. Показано, что у мышей с генетическим иммунодефицитом инфузия А II не сопровождалась развитием гипертензии, и этот ответ восстанавливался после трансфекции Т, но не В-лимфоцитов [35].

Клетки иммунной системы (моноциты, резидентные макрофаги, нейтрофилы, Т-лимфоциты) экспрессируют рецепторы к А II. Их активация приводит к усиленному высвобождению как СОР и других оксидантов, так и провоспалительных цитокинов, что обуславливает неразрывную связь между воспалением и оксидативным стрессом. Показано, что иммуносупрессия у мышей на фоне инфузии А II устраняла не только инфильтрацию тканей иммунокомпетентными клетками, развитие воспаления и оксидативного стресса, но и гипертензию и повреждение органов-мишеней. Аналогичный эффект отмечен у мышей с генетическим иммунодефицитом, недостаточностью клеток Лангерганса, дендритных клеток и натуральных киллеров.

Применение этанерсепта – блокатора фактора некроза опухоли α (ФНО- α) у гипертензивных крыс сочеталось с предупреждением поражения органов-мишеней, альбуминурии и почечного воспаления, независимо от изменений уровня АД [16]. Этанерсепт значительно ограничивал выраженность гипертензии при содержании крыс на диете с фруктозой, предупреждал повышение АД при введении А II и снижал АД на аутоиммунной модели хронического воспаления [43, 44]. У трансгенных гипертензивных крыс применение этанерсепта сопровождалось уменьшением выраженности поражения органов-мишеней, существенным ослаблением альбуминурии и почечного воспаления без снижения АД [16]. В аналогичных условиях статины также предупреждали ремоделирование сосудистой стенки в отсутствие антигипертензивного эффекта, но в сочетании с уменьшением выраженности воспаления и оксидативного стресса в сосудистой стенке [22, 40].

Особое значение в развитии воспаления в условиях гипертензии имеют Th17 клетки, относя-

щиеся к классу цитотоксических CD8⁺ лимфоцитов. Они высвобождают интерлейкин(ИЛ)-17, который в этих условиях являлся основным специфическим повреждающим фактором в почках, миокарде и в сосудистой стенке [20]. У мышей с отсутствием Th17 лимфоцитов инфузия А II не сопровождалась развитием гипертензии, усилением продукции СОР и нарушением функции эндотелия [10, 14]. В то же время, гиперэкспрессия хелперных CD4⁺ Т-лимфоцитов и Т-регуляторных клеток (Treg's), определяющих толерантность к собственным антигенам, играла защитную роль и ослабляла поражение органов-мишеней, особенно сердца, при введении А II, не оказывая влияния на выраженность гипертензивного ответа [33].

Неоднократно показано, что в генезе АГ и кардиоваскулярной патологии ведущее значение имеют как автономная нервная, так и иммунная системы, и традиционно их роль анализировалась отдельно. Однако в последние годы установлено, что симпатическая нервная система способна существенно модулировать иммунный статус, инициировать и активировать как врожденный, так и приобретенный воспалительный иммунный ответ и посредством этого участвовать в развитии и прогрессировании кардиоваскулярной патологии. В значительной мере это обусловлено наличием выраженной симпатической иннервацией лимфатических узлов и селезенки, особенно в зонах, богатых Т-клетками. Показано, что норадреналин стимулирует их активацию и пролиферацию, и активация CD4⁺ лимфоцитов норадреналином сопровождалась возрастанием продукции интерферона- γ (ИФН- γ) в 3-4 раза.

В настоящее время концепция, связывающая долговременные эффекты автономной нервной системы с ее влиянием на иммунную систему, еще не приобрела достаточного признания, несмотря на то, что возможность иммуномодуляции холинергическими и адренергическими агонистами достоверно установлена [23].

Взаимосвязь между нервной и иммунной системами осуществляется как на центральном, так и периферическом уровнях. В центральной нервной системе цитокины, как циркулирующие, так и высвобождаемые астроцитами и клетками микроглии, активируют специфические центры в гипоталамусе и стволе мозга, приводя к симпатической активации и развитию гипертензии. Локальный воспалительный ответ и нейрональная активация в этих структурах центральной нервной системы отмечены в сочетании с усиленной миграцией клеток иммунной системы типа макрофагов, моноцитов и Т-лимфоцитов.

В ряде исследований показано, что возрастание концентрации циркулирующего А II сопровождалось развитием оксидативного стресса в зонах мозга, расположенных возле желудочков, генерализованным возрастанием симпатической активности, активацией Т-лимфоцитов и их миграцией в миокард, сосудистую стенку и почки [17]. Это сопровождалось развитием оксидатив-

ного стресса, вазоконстрикцией, усилением реабсорбции почками натрия и повышением АД. Предварительное разрушение центральных структур устраняло не только гипертензию, но и активацию Т-лимфоцитов и инфильтрацию лейкоцитов в сосудистую стенку [7]. Эти данные означают, что способность циркулирующего А II индуцировать оксидативный стресс и воспаление на периферии имеет в значительной степени центральную природу и связана с активацией симпатической нервной системы (СНС), а затем и клеток иммунной системы [20].

Аналогичные эффекты отмечены при интрацеребровентрикулярной инфузии А II, которая сопровождалась активацией как СНС, так и иммунного ответа с развитием АГ и увеличением плазменного содержания ИЛ-1 β , ИЛ-2, ИЛ-5, ИЛ-16, трансформирующего фактора роста- β (TGF- β) [15, 27]. Напротив, активация блуждающего нерва оказывала угнетающее действие на иммунный статус, и через четыре недели после субдиафрагмальной вагусотомии в стенке толстой кишки, для которой характерно значительное накопление лимфоидной ткани, отмечено выраженное возрастание содержания ФНО- α [21]. В другом исследовании ваготомия сопровождалась достоверным возрастанием продукции цитокинов, включая ИФН- γ , ФНО- α и ИЛ-6, Т-лимфоцитами селезенки мыши [2]. Третьим доказательством противовоспалительного действия СНС является ее способность облегчать течение септического шока. Показано, что стимуляция блуждающего нерва при сепсисе у мышей оказывала защитное действие, уменьшала как гипотензию, так и продукцию макрофагами ФНО- α и, в результате, значительно повышала выживаемость [24].

Еще в 1984 г. сообщалось, что выживаемость пациентов с застойной СН в течение двух лет было менее 10 % при плазменном содержании норадреналина более 800 пг/мл и достигало более 50 % в течение четырех лет, если оно было вдвое меньшим. При этом возрастание вариабельности сердечного ритма высокой частоты, отражающее превалирование парасимпатических влияний, сочеталось с более благоприятным исходом, тогда как возрастание низкочастотного компонента, отражающего повышенную активность СНС, сочеталось с повышением летальности [34].

Показано, что электрическая стимуляция правого блуждающего нерва у крыс с дилатационной кардиомиопатией сочеталась с 90 % выживаемостью через четыре месяца после перевязки коронарной артерии, тогда как в контроле выживаемость составила только 50 % [45]. При ишемии миокарда стимуляция блуждающего нерва снижала активность MMPs и способствовала стабилизации атеросклеротической бляшки, а блокада β -адренорецепторов в этих условиях угнетала апоптоз кардиомиоцитов [8].

Противовоспалительное действие активации парасимпатической нервной системы показано и у собак с СН. Раздражение блуждающего нерва со-

провождалось уменьшением плазменного содержания маркеров воспаления, прежде всего – С-реактивного протеина в сочетании с увеличением фракции выброса, уменьшением размеров сердца [42].

В мемориальной лекции в 2009 г. «В поисках автономного баланса: хорошее, плохое и ужасное» F.M. Abboud рассматривал повышение активности парасимпатической нервной системы при воспалении и иммунных реакциях как защитный механизм, повышение симпатической активности – как отрицательный, повреждающий, а возрастание продукции кислородных радикалов в результате активации PAC – как катастрофический. При превалировании симпатической активности над парасимпатической вектор приобретает «смертельную» направленность, а при превалировании парасимпатической формируется «вектор выживания» в результате угнетения воспалительного ответа [1].

Второй уровень взаимодействия между автономной нервной, ренин-ангиотензиновой и иммунной системами реализуется посредством экспрессии клетками врожденного иммунного ответа адренергических, холинергических и ангиотензиновых рецепторов. Их активация существенно модулирует характер иммунного ответа, изменяет характер высвобождения цитокинов и повышает активность цитотоксических Т-лимфоцитов, определяющих поражение сердца, сосудов и почек [10, 11].

Эти данные означают, что развитие воспаления при АГ и других видах кардиоваскулярной патологии может быть связано в значительной степени с потерей ингибиторного парасимпатического влияния или усилением влияния симпатической и ренин-ангиотензиновой систем, а также с аномальной чувствительностью соответствующих активирующих или угнетающих рецепторов на иммунных клетках.

Роль интрацеребрального оксидативного стресса в кардиоваскулярных эффектах А II

В последние годы показано, что оксид азота и радикалы кислорода играют важную роль в регуляции АД не только на периферии, но и центрально посредством модуляции активности автономной нервной системы. Показано, что оксид азота угнетает, а кислородные радикалы – повышают симпатическую активность, и нарушение баланса между их продукцией в центральной нервной системе, особенно в стволе мозга, приводит к активации СНС и является одним из важнейших механизмов развития гипертензии нейрогенной природы [15].

Неоднократно показано, что длительное системное применение ингибитора синтеза оксида азота l-NAME у крыс приводит к возрастанию АД. Однако, в отличие от устоявшихся взглядов, этот эффект не является результатом исключительно снижения биодоступности NO в эндотелии, а возникает на фоне значительного повышения активности СНС. Аналогичный эффект отмечен также при введении А II непосредственно в ядро солитарного тракта [3].

В клинических исследованиях также показано, возрастание АД в результате блокады синтазы оксида азота имеет в значительной мере центральный характер и определяется повышением симпатической активности [38].

В исследовании на трансгенных крысах с гиперэкспрессией гена eNOS и хронически усиленной продукцией NO в ядре солитарного тракта отмечено выраженное снижение активности СНС с развитием гипотензии и брадикардии [37]. Помимо этого, у животных с экспериментальными моделями гипертензии усиленный локальный синтез или повышенная доставка в ствол мозга как NO, так и его предшественника L-аргинина сопровождалась снижением АД и уменьшением выраженности ремоделирования сердца и сосудов.

В то же время, центральная гиперэкспрессия iNOS сопровождалась развитием оксидативного стресса с последующей активацией СНС и развитием гипертензии. Связано это с тем, что резкая активация iNOS сопряжена как с продукцией, так и СОР с последующим образованием пероксинитрита – мощного оксиданта [28].

Данные целого ряда исследований подтвердили, что развитие оксидативного стресса в стволе мозга в результате усиленной продукции СОР и гидроксильного радикала приводит к активации нейрогенных механизмов гипертензии и может быть одним из основных факторов ее развития [27]. Установлено, что гипертензия, развивающаяся при длительном введении в кровь низких доз А II, как и при усиленной секреции А II в центральной нервной системе, связана в значительной мере с повышенной продукцией СОР в ядрах ствола мозга [22]. Этому способствует также истощение локальной антиоксидантной защиты, и на фоне селективного угнетения СОД в нейронах ствола мозга системное введение А II сочеталось с резким возрастанием частоты сердечных сокращений и АД, значительно более выраженным усилением лейкоцитарной и лимфоцитарной инфильтрации сосудистой стенки и продукции в ней СОР.

На основании этих данных была сформулирована гипотеза, в соответствии с которой повышенная активность церебральной РАС и увеличенная локальная продукция СОР рассматриваются как ведущий фактор развития нейрогенной гипертензии [46].

Установлено, что основным источником активных форм кислорода как в периферических тканях, так и в ткани мозга является NAD(P)H оксидаза [18, 31, 32], а А II является ее основным активатором. В культуре нейронов гипоталамуса и ствола мозга лозартан – блокатора рецепторов А II 1-го типа (AT₁ рецепторов), апоцинин – ингибитор NAD(P)H оксидазы и темпол – миметик СОД значительно ослабляли продукцию СОР при действии А II и уменьшали частоту нейрональной импульсации. У мышей с блокадой NAD(P)H оксидазы А II утрачивал способность активировать продукцию СОР в ядре солитарного тракта и вызывать развитие гипертензии [24].

Другим источником СОР в ткани мозга являются митохондрии, и у генетически гипертензивных крыс в митохондриях нейронов ядра солитарного тракта установлены нарушения транспорта электронов с развитием оксидативного стресса, возрастанием симпатической активности, тогда как топическое применение коэнзима Q10, обладающего выраженным антиоксидантным потенциалом, устраняло эти эффекты и сопровождалось снижением АД [26].

Предположение о связи гипертензии, инициированной А II, с его центральным действием подтверждается тем, что разрушение области мозга в окружении третьего желудочка устраняет развитие многих экспериментальных форм АГ [6]. Помимо этого, топическая трансфекция гена СОД, как и интрацеребральное введение апоцинина значительно уменьшали выраженность АГ, вызванной как интрацеребральной, так и системной инфузией А II [13].

Углубленные фундаментальные исследования позволили подтвердить, что развитие АГ даже при системном введении А II имеет в значительной мере центральный характер и определяется активацией нейронов в ряде специализированных областей мозга. Они включают структуры, окружающие 3-й и 4-й желудочки мозга, а также гипоталамический субфорникальный орган. Эти зоны мозга не защищены гематоэнцефалическим барьером, и их разрушение ослабляло гипертензию, вызываемую как циркулирующим, так и локально продуцируемым А II [12].

В исследовании, проведенном на мышах, длительная инфузия А II в субпрессорной дозе вызывала постепенное развитие гипертензивной реакции, и АД возрастало от 105 до 145 мм рт.ст. на 5-й – 6-й дни инфузии. Селективная гиперэкспрессия СОД в ткани мозга с помощью аденовируса, как и локальное применение лозартана, предупреждали развитие гипертензивной реакции. В то же время, гипертрофия сердца, отмеченная при длительной инфузии А II, не устранялась гиперэкспрессией СОД в ткани мозга. Эти данные означали, что гипертрофия, в отличие от гипертензии, является следствием прямого влияния А II на миокард, а не отражает его центральное действие или влияние повышенного АД.

Зависимость между активностью СНС, оксидативным стрессом в регулирующих ее структурах мозга и AT₁ рецепторами подтверждается результатами применения как блокаторов ангиотензина, так и антиоксидантов. Применение олмесартана – блокатора AT₁ рецепторов, сопровождалось ослаблением оксидативного стресса в структурах мозга, угнетением симпатической активности и выраженным антигипертензивным эффектом [25]. Аналогичный эффект отмечен при интрацеребральной блокаде рецепторов ФНО-α, а также при применении аторвастатина, который оказывал депрессорное действие, уменьшал выраженность оксидативного стресса в ядре солитарного тракта и симпатической гиперактив-

ности у крыс со спонтанной гипертензией посредством возрастания биодоступности оксида азота [4].

Перспективы дальнейших исследований.

Исследование патогенетических механизмов участия воспаления и оксидативного стресса в ремоделировании сердца и сосудистой стенки, развитии кардиоваскулярной патологии позволит оптимизировать лечебную тактику.

Литература

- Abboud F.M. Cannon Memorial Award Lecture, 2009. Physiology in perspective: the wisdom of the body – in search of autonomic balance: the good, the bad, and the ugly / F.M. Abboud // *Am. J. Physiol. Regul. Integr. Comp. Physiol.* – 2010. – Vol. 298. – P. R1449-R146.
- A mouse model of angiotensin II slow-pressor response: role of oxidative stress / N. Kawada, E. Imai, A. Karber [et al.] // *J. Am. Soc. Nephrol.* – 2002. – Vol. 13. – P. 2860-2868.
- Angiotensin in the nucleus tractus solitarius contributes to neurogenic hypertension caused by chronic nitric oxide synthase inhibition / K. Eshima, Y. Hirooka, H. Shigematsu [et al.] // *Hypertens.* – 2000. – Vol. 36. – P. 259-263.
- Atorvastatin causes depressor and sympatho-inhibitory effect with upregulation of nitric oxide synthases in stroke-prone hypertensive rats / T. Kishi, Y. Hirooka, Y. Mukai [et al.] // *J. Hypertens.* – 2003. – Vol. 21. – P. 379-386.
- Bondeva T. Differential regulation of Toll-like receptor 4 gene expression in renal cells by angiotensin II: dependency on AP1 and PU1 transcriptional sites / T. Bondeva, T. Roger, G. Wolf // *Am. J. Nephrol.* – 2007. – Vol. 27. – P. 308-314.
- Brody M.J. Central nervous system and mechanisms of hypertension / M.J. Brody // *Clin. Physiol. Biochem.* – 1988. – Vol. 6. – P. 230-239.
- Central and peripheral mechanisms of T-lymphocyte activation and vascular inflammation produced by angiotensin II-induced hypertension / P.J. Marvar, S.R. Thabet, T.J. Guzik [et al.] // *Circ. Res.* – 2010. – Vol. 107. – P. 263-270.
- Efferent vagal nerve stimulation induces tissue inhibitor of metalloproteinase-1 in myocardial ischemia-reperfusion injury in rabbit / L.M. Uemura, T. Tsutsumi, T. Yamazaki [et al.] // *Am. J. Physiol. Heart Circ. Physiol.* – 2007. – Vol. 293. – P. H2254-H2261.
- Endothelial dysfunction, oxidative stress and inflammation in atherosclerosis: beneficial effects of statins / V. Lahera, M. Goicoechea, S.G. de Vinuesa [et al.] // *Curr. Med. Chem.* – 2007. – Vol. 14. – P. 243-248.
- Harrison D.G. Role of the adaptive immune system in hypertension / D.G. Harrison, A. Vinh, H. Lob // *Curr. Opin. Pharmacol.* – 2010. – Vol. 10. – P. 203-207.
- Harwani S.C. Autonomic dysregulation of innate immunity in genetic hypertension [abstract] / S.C. Harwani, M.W. Chapleau, K. Legge // *Hypertens.* – 2011. – Vol. 58. – P. e50.
- Hendel M.D. Contribution of the subfornical organ to angiotensin II-induced hypertension / M.D. Hendel, J.P. Collister // *Am. J. Physiol. Heart Circ. Physiol.* – 2005. – Vol. 288. – H680-H685.
- Hypertension caused by angiotensin II infusion involves increased superoxide production in the central nervous system / M.C. Zimmerman, E. Lazartigues, R.V. Sharma [et al.] // *Circ. Res.* – 2004. – Vol. 95. – P. 210-216.
- IL-17 enhances chemokine gene expression through mRNA stabilization / J. Hartupee, C. Liu, M. Novotny [et al.] // *J. Immunol.* – 2007. – Vol. 179. – P. 4135-4141.
- Imbalance of central nitric oxide and reactive oxygen species in the regulation of sympathetic activity and neural mechanisms of hypertension / Y. Hirooka, T. Kishi, K. Sakai [et al.] // *AJP – Regu. Physiol.* – 2011. – Vol. 300. – P. R818-R826.
- Immunosuppressive treatment protects against angiotensin II induced renal damage / D.N. Muller, E. Shagdarsuren, J.K. Park [et al.] // *Am. J. Pathol.* – 2002. – Vol. 161. – P. 1679-1693.
- Inflammation, immunity, and hypertension / D.G. Harrison, T.J. Guzik, H.E. Lob [et al.] // *Hypertens.* – 2011. – Vol. 57. – P. 132-140.
- Inhibition of Rac-1 derived reactive oxygen species in nucleus tractus solitarius decreases blood pressure and heart rate in stroke-prone spontaneously hypertensive rats / M. Nozoe, Y. Hirooka, Y. Koga [et al.] // *Hypertens.* – 2007. – Vol. 50. – P. 62-68.
- Involvement of the nicotinamide adenosine dinucleotide phosphate oxidase isoform Nox2 in cardiac contractile dysfunction occurring in response to pressure overload / D.J. Grieve, J.A. Byrne, A. Siva [et al.] // *J. Am. Coll. Cardiol.* – 2006. – Vol. 47. – P. 817-826.
- Lazartigues E. Inflammation and Neurogenic Hypertension. A New Role for the Circumventricular Organs? / E. Lazartigues // *Circ. Res.* – 2010. – Vol. 107. – P. 166-167.
- Loss of vagal anti-inflammatory effect: in vivo visualization and adoptive transfer / C. O'Mahony, H. van der Kleij, J. Bienenstock [et al.] // *Am. J. Physiol. Regul. Integr. Comp. Physiol.* – 2009. – Vol. 297. – P. R1118-R1126.
- Meta-analysis of the association between the insertion/deletion polymorphism in ACE gene and coronary heart disease among the Chinese population / L. Zhou, B. Xi, Y. Wei [et al.] // *JRAAS.* – 2012. – Vol. 13. – P. 296-304.
- Nance D.M. Autonomic innervation and regulation of the immune system / D.M. Nance, V.M. Sanders // *Brain Behav. Immun.* – 2007. – Vol. 21. – P. 736-745.
- Nox2, Ca²⁺, and protein kinase C play a role in angiotensin II-induced free radical production in

- nucleus tractus solitarius / G. Wang, J. Anrather, M.J. Glass [et al.] // *Hypertens.* – 2006. – Vol. 48. – P. 482-489.
25. Olmesartan reduces oxidative stress in the brain of stroke-prone spontaneously hypertensive rats assessed by an in vivo ESR method / S. Araki, Y. Hirooka, T. Kishi [et al.] // *Hypertens. Res.* – 2009. – Vol. 32. – P. 1091-1096.
26. Oxidative impairment of mitochondrial electron transport chain complexes in rostral ventrolateral medulla contributes to neurogenic hypertension / S.H. Chan, K.L. Wu, A.Y. Chang [et al.] // *Hypertens.* – 2009. – Vol. 53. – P. 217-227.
27. Oxidative stress and central cardiovascular regulation: pathogenesis of hypertension and therapeutic aspects / Y. Hirooka, Y. Sagara, T. Kishi, K. Sunagawa // *Circ. J.* – 2010. – Vol. 74. – P. 827-835.
28. Overexpression of inducible nitric oxide synthase in rostral ventrolateral medulla causes hypertension and sympathoexcitation via an increase in oxidative stress / Y. Kimura, Y. Hirooka, Y. Sagara [et al.] // *Circ. Res.* – 2005. – Vol. 96. – P. 252-260.
29. Pivotal role of a gp91(phox)-containing NADPH oxidase in angiotensin II-induced cardiac hypertrophy in mice / J.K. Bendall, A.C. Cave, C. Heymes [et al.] // *Circulation.* – 2002. – Vol. 105. – P. 293-296.
30. Pressure overload-induced myocardial hypertrophy in mice does not require gp91phox / M. Maytin, D.A. Siwik, M. Ito [et al.] // *Circulation.* – 2004. – Vol. 109. – P. 1168-1171.
31. Regional expression of NO synthase, NAD(P)H oxidase and superoxide dismutase in the rat brain / V.M. Campese, R.K. Sindhu, S. Ye [et al.] // *Brain Res.* – 2007. – Vol. 1134. – P. 27-32.
32. Regional expression of NAD(P)H oxidase and superoxide dismutase in the brain of rats with neurogenic hypertension / Y. Bai, B. Jabbari, S. Ye [et al.] // *Am. J. Nephrol.* – 2009. – Vol. 29. – P. 483-492.
33. Regulatory T cells ameliorate angiotensin II-induced cardiac damage / H. Kvakan, M. Kleinewietfeld, F. Qadri [et al.] // *Circulation.* – 2009. – Vol. 119. – P. 2904-2912.
34. Robinson T.G. Cardiac baroreceptor sensitivity predicts longterm outcome after acute ischemic stroke / T.G. Robinson, S.L. Dawson, P.J. Eames // *Stroke.* – 2003. – Vol. 34. – P. 705-712.
35. Role of the T cell in the genesis of angiotensin II induced hypertension and vascular dysfunction / T.J. Guzik, N.E. Hoch, K.A. Brown [et al.] // *J. Exp. Med.* – 2007. – Vol. 204. – P. 2449-2460.
36. Role of NAD(P)H oxidase on vascular alterations in angiotensin II-infused mice / A. Viridis, M.F. Neves, F. Amiri [et al.] // *J. Hypertens.* – 2004. – Vol. 22. – P. 535-542.
37. Sakai K. Overexpression of eNOS in NTS causes hypotension and bradycardia in vivo / K. Sakai, Y. Hirooka, I. Matsuo // *Hypertens.* – 2000. – Vol. 36. – P. 1023-1028.
38. Sander M. A large blood pressure-raising effect of nitric oxide synthase inhibition in humans / M. Sander, B. Chavoshan, R.G. Victor // *Hypertens.* – 1999. – Vol. 33. – P. 937-942.
39. Shokoji T. Renal sympathetic nerve responses to tempol in spontaneously hypertensive rats / T. Shokoji, A. Nishiyama, Y. Fujisawa // *Hypertens.* – 2003. – Vol. 41. – P. 266-273.
40. Simvastatin prevents angiotensin II-induced cardiac alteration and oxidative stress / S. Delbosco, J.P. Cristol, B. Descomps [et al.] // *Hypertens.* – 2002. – Vol. 40. – P. 142-147.
41. Takimoto E. Role of oxidative stress in cardiac hypertrophy and remodeling / E. Takimoto, D.A. Kass // *Hypertens.* – 2007. – Vol. 49. – P. 241-248.
42. The antioxidant tempol reverses and partially prevents adrenocorticotrophic hormone-induced hypertension in the rat / Y. Zhang, R. Jang, T.A. Mori [et al.] // *J. Hypertens.* – 2003. – Vol. 21. – P. 1513-1518.
43. Tran L.T. Chronic etanercept treatment prevents the development of hypertension in fructose-fed rats / L.T. Tran, K.M. MacLeod, J.H. McNeill // *Mol. Cell. Biochem.* – 2009. – Vol. 330. – P. 219-228.
44. Tumor necrosis factor-alpha antagonist etanercept decreases blood pressure and protects the kidney in a mouse model of systemic lupus erythematosus / M. Venegas-Pont, M.B. Manigrasso, S.C. Grifoni [et al.] // *Hypertens.* – 2010. – Vol. 56. – P. 643-649.
45. Vagal nerve stimulation markedly improves long-term survival after chronic heart failure in rats / M. Li, C. Zheng, T. Sato [et al.] // *Circulation.* – 2004. – Vol. 109. – P. 120-124.
46. Vascular endothelial cell-specific NF-kappaB suppression attenuates hypertension-induced renal damage / N. Henke, R. Schmidt-Ullrich, R. Dechend [et al.] // *Circ. Res.* – 2007. – Vol. 101. – P. 268-276.

РОЛЬ ЗАПАЛЕННЯ ТА ОКСИДАТИВНОГО СТРЕСУ В КАРДІОВАСКУЛЯРНІЙ ПАТОЛОГІЇ

Т.В. Талаєва, В.В. Шишкін, Л.Л. Вавілова

Резюме. Стаття присвячена проблемі значимості та механізмів участі запалення та оксидативного стресу в розвитку кардіоваскулярної патології, перш за все – у пошкодженні та ремоделюванні серця та судинної стінки, розвитку артеріальної гіпертензії. Детально простежений зв'язок між ренін-ангіотензиною, симпато-

адреналовою та імунної системами в розвитку оксидативного стресу як компонента природженої набутої імунної відповіді.

Ключові слова: запалення, оксидативний стрес, ремоделювання серця та судин, гіпертензія, ренін-ангіотензинова система, імунний статус.

THE ROLE OF INFLAMMATION AND OXIDATIVE STRESS IN CARDIOVASCULAR PATHOLOGY

T.V. Talayeva, V.V. Shishkin, L.L. Vavilova

Abstract. The paper is devoted to an analysis of the problem of the significance and mechanisms of inflammation and oxidative stress participation in the development of cardiovascular pathology, first of all – in heart and vascular wall damaging and remodeling and in the development of arterial hypertension. An interrelation is traced between the renin-angiotensin, sympathoadrenal and immune systems in the development of oxidative stress as a component of innate and adaptive immune responses.

Key words: inflammation, oxidative stress, cardiac and vascular remodelling, hypertension, renin-angiotensin system, immune status.

National Scientific Center “N.D.Straszhesko Institute of Cardiology” of Ukrainian
National Academy of Medical Sciences (Kyiv),
National Medical University (Odessa)

Рецензент – проф. В.К. Ташук

Buk. Med. Herald. – 2013. – Vol. 17, № 1 (65). – P. 156-163

Надійшла до редакції 10.12.2012 року

© Т.В. Талаєва, В.В. Шишкин, Л.Л. Вавилова, 2013

УДК 616.33-002-008-091.8

О.І. Федів, І.О. Сіцінська

ПОРУШЕННЯ ФУНКЦІОНАЛЬНОГО СТАНУ ЕНДОТЕЛІУ У ХВОРИХ НА ПЕПТИЧНУ ВИРАЗКУ ШЛУНКА ТА ДВНАДЦЯТИПАЛОЇ КИШКИ, ПОЄДНАНУ З МЕТАБОЛІЧНИМ СИНДРОМОМ

Буковинський державний медичний університет, м. Чернівці

Резюме. В оглядовій статті узагальнено основні відомості про роль ендотеліальної дисфункції при пептичній виразці шлунка та дванадцятипалої кишки в процесі виникнення і становлення метаболічного синдрому. Наведено дані про вплив ендотеліальних чинників на розвиток ремоделювання судинної стінки при

виразці шлунка і дванадцятипалої кишки та метаболічному синдромі.

Ключові слова: ендотеліальна дисфункція, пероксидне окиснення ліпідів, оксид азоту, метаболічний синдром, виразкова хвороба шлунка, дванадцятипала кишка, гіпертонічна хвороба, гіперглікемія.

Виразкова хвороба шлунка (ВХШ) та дванадцятипалої кишки (ДПК) – одне із найбільш розповсюджених захворювань органів травлення. Основним чинником розвитку ВХ є інфекція *Helicobacter pylori* (*H.pylori*) та гіперпродукція хлористоводневої кислоти [1]. Більше ніж 95 % хворих на дуоденальну виразку (ДВ) і близько 80 % хворих на виразку шлунка (ВШ) є інфікованими *H.pylori* [2]. Наявність хронічного гелікобактерного антрального гастриту збільшує ризик виникнення виразки в 10 разів [3]. У хворих, що страждають на ВХ ДПК, асоційовану з *H. pylori*, інтенсивність обсіювання слизової оболонки не залежить від віку, а змінюється залежно від наростання атрофії слизової оболонки і зменшення кислотної продукції.

Захворювання органів травлення, асоційовані з *H.pylori*, у 70,8 % випадків спричинені *CagA* – позитивними, у 83,3 % випадків – *vasA* – позитив-

ними, у 16,7 % випадків *iceA* – позитивними, у 12,5 % випадків – *babA* – позитивними штамми *H.pylori*. Причому ерозивно – виразкові захворювання шлунка та ДПК у 75,0-100,0 % випадків асоційовані з *CagA* – позитивними серотипами *H.pylori*. При інфікуванні *CagA* – і *iceA* – позитивними *H.pylori* психосоматичний статус страждає більшою мірою, ніж у решти хворих [4].

Клінічно значимими на сьогоднішній день визнані цитотоксичні штами *CagA* і *vasA*, які також мають широкий діапазон екстрадигестивних проявів.

В осіб, інфікованих *CagA*, асоційованих штамми *H.pylori*, спостерігається вища активність антрального гастриту і більший ступінь вираженості кишкової метаплазії. Вони спричиняють виражену лімфоцитарну реакцію зі збільшенням кількості лімфоїдних фолікулів [5].

© О.І. Федів, І.О. Сіцінська, 2013